

Кровь была густой и липкой, а бьющееся в руке сердце — осязаемым, пугающе настоящим.

Сколько лет Су Цзюгуй не марал рук подобной грязью? На Горе Великой Чистоты путь к бессмертию требовал безупречного благородства духа, теперь же он ничем не отличался от кровожадного демонического заклинателя.

Охотник застыл с широко распахнутыми глазами — смерть забрала его внезапно, оставив на лице лишь печать вечного ужаса.

Перебивший за свою жизнь немало лесных духов, он вряд ли мог вообразить, что сам однажды станет добычей и погибнет от рук того, на кого охотился.

Су Цзюгуй брезгливо отбросил окровавленный комок плоти и, достав платок, неспешно принялся вытирать испачканные пальцы.

Он высился посреди груды расчленённого мяса и обрубков человеческого тела. У его ног сиротливо лежало вырванное сердце, а рядом стекленел взгляд мёртвого охотника.

Зрелище должно было внушать ужас, но присутствие Су Цзюгуя наполняло эту бойню извращённым, зловещим изяществом.

Первобытная демоническая аура, казалось, сочилась сквозь его поры.

Сяобай невольно залюбовался этой картиной.

Су Цзюгуй слегка наклонил голову набок.

— Что такое? Никогда не видел, как лишают жизни?

Сяобай сначала кивнул, но тут же покачал головой. Убийства он, конечно, видел, но чтобы так... со столь леденящим душу хладнокровием — никогда.

В Су Цзюгуе не осталось ни капли прежней праведности. Словно поддавшись дикой природе этого тела, он всего за четверть часа свыкся со своей участью и полностью обратился в свирепого лисьего демона.

Лишившись Золотого ядра, он больше не мог повелевать талисманами и заклинаниями. Единственным его оружием оставалось боевое искусство — всё же тысячелетний опыт совершенствования не мог испариться бесследно.

Досадовало лишь то, насколько слабым и изнурённым оказалось это тело. Он не мог

использовать и десятой доли своего истинного мастерства. Подумать только: чтобы одолеть обычного смертного, ему пришлось прибегнуть к подлому нападению со спины.

Поступил бы так прежний Су Цзюгуй? Разумеется, нет. Он никогда не наносил ударов исподтишка, предпочитая открытый и честный бой.

Сяобай внезапно замолчал. Приходилось признать очевидное.

«До чего же он сейчас притягателен...»

Лицо Сяобая резко изменилось.

— Брат... — он указал пальцем за спину Су Цзюгую. — Там, сзади!

Раздался сухой, шуршащий звук. Обернувшись, Су Цзюгуй увидел, как грудa разрубленной плоти пришла в движение.

Первой задёргалась отсечённая правая кисть, уже покрытая трупными пятнами. Кожа на ней вздулась, под ней зашевелилось нечто живое, и до слуха донёлся отчётливый хруст расправляющихся суставов.

Хрусь... Хрусь...

Пальцы скрючились, напоминая лапу хищной птицы, и замерли. Если бы у этой кисти были глаза, казалось бы, что она оглядывается в недоумении, силясь осознать своё пробуждение.

Мгновение — и мёртвая плоть, резко развернувшись, устремилась прямо к Су Цзюгую, быстро перебирая пальцами, точно паук.

Со свистом пролетевший нож мясника с глухим стуком пригвоздил кисть к полу. Из раны хлынула зловонная зелёная жижа. Из-под кожи брызнули мелкие пауки, тщетно пытаясь скрыться, а сама рука сделала последнее судорожное движение и затихла.

С момента расправы над охотником прошла едва ли минута, но поднятый шум уже привлёк внимание хозяина лавки. Из щели под дверью выполз крошечный паучок размером с ноготь.

За ним показался второй, третий... Спустя мгновение пол заполонила шуршащая чёрная лавина. Ло Цяоцяо обнаружил беглецов.

Разбросанные по комнате куски тел начали подниматься. Невидимые нити дёргали их, заставляя корчиться и принимать неестественные позы.

Мужская нога соединилась с изящной женской ручкой, а выкатившееся из глазницы яблоко бешено вращалось, выискивая цель.

Вся эта кошмарная армия мёртвой плоти одновременно уставилась на Су Цзюгуя. Марионетки подчинялись лишь одной воле — уничтожить незваного гостя.

Ло Цяоцяо держал кукольный театр и раз в месяц давал представления, в которых послушными актёрами выступали созданные им марионетки. Но кто мог подумать, из какого материала они были сделаны на самом деле?

Сяобай мгновенно сориентировался и без колебаний прикинулся беззащитным, испуганным мальчишкой. Сжавшись в комок, он юркнул за спину Су Цзюгуя.

Разыгранный им ужас выглядел пугающе достоверным.

— Брат, ч-что же нам теперь делать?

Су Цзюгуй промолчал. Смерть Лао Сы была лишь малой частью беды — впереди ждал сам Ло Цяоцяо.

Если с обычным смертным его боевых навыков хватило, то одолеть могущественного демона девятого ранга без капли духовных сил было задачей из разряда несбыточных.

Внезапно его запястье пронзила острая, невыносимая боль.

Кожа там, где обычно пролегали вены, вздулась багровым рубцом, словно под ней шевелилась живая нить.

Она яростно рвалась наружу, натягивая и разрывая плоть изнутри, послушная чужому безмолвному зову.

Паутина.

Вот почему Ло Цяоцяо был так уверен, что беглец никуда не денется. Он заранее опутал внутренности лиса тончайшей паутиной.

Су Цзюгуй в этом теле оставался лишь куклой, ничем не отличающейся от тех обрубков, что сейчас поднимались с пола.

Стоило кукловоду дёрнуть за ниточку, и марионетка подчинялась вопреки собственной воле.

Су Цзюгуй стиснул зубы, но из его груди всё равно вырвался сдавленный стон. Он перенёс немало мук за свою долгую жизнь, но эта боль превосходила все его ожидания.

Нить под кожей натянулась, увлекая за собой запятанные глубоко в теле волокна. Они обвивали внутренние органы, стягивали сердце смертельной хваткой, причиняя неопишуемые страдания.

И в этот самый неподходящий момент на него обрушились чужие воспоминания — память прежнего владельца тела.

Жизнь маленького лиса была короткой и незамысловатой. До встречи с Ло Цяоцяо он почти не видел мира.

В сознании Су Цзюгуя вспыхнул багровый свет. Перед глазами заплесали очертания кроваво-красного фонаря, с которого, казалось, вот-вот закапает настоящая кровь.

Лис сутками не видел ничего, кроме этого тусклого светильника. Распятый на разделочном столе, он мог лишь обречённо смотреть в потолок.

Его лапы были приколоты к деревянным краям стола тяжёлыми гвоздями, чтобы Ло Цяоцяо было удобнее держать нож.

Лис чувствовал каждое прикосновение лезвия, скользившего по его телу, срезавшего слой за слоем нежную плоть.

Ло Цяоцяо действовал с хирургической точностью — его нож рассекал меридианы, не давая умереть, пока наружу медленно цедилась горячая кровь.

Поначалу лисёнок умолял о пощаде. Но плач и мольбы лишь забавляли мучителя, распаяя его болезненный азарт, и вскоре несчастный замолчал навсегда.

Живьём ему вычищали каналы ци, извлекали из груди трепещущее сердце, омывали его и возвращали назад. Затем мастер кропотливо соскабливал лишнее мясо, вытачивая идеальные черты лица будущей марионетки.

Прежний хозяин тела проводил вечность в тёмном гробу, безвольно наблюдая за тем, как Ло Цяоцяо заменяет его плоть искусственным деревом, а кровь — ядовитыми соками.

Ему не позволили даже спокойно уйти в мир иной. Застравший между жизнью и смертью, он пережил кошмар, способный свести с ума любого, пока наконец не превратился в безупречное, бездыханное творение.

Су Цзюгуй зажмурился. Отголоски чужих мучений отозвались в его душе с такой силой, что превзошли даже кару небесным громом, которую он когда-то перенёс.

Великий старейшина давно отрёкся от мирских чувств и страстей, но этот бурный поток чужой боли пробил его защиту.

Обида, удушающая ненависть и жажда мести захлестнули его разум, стирая грань между прошлым и настоящим.

Овладевшее им желание убивать было первобытным и неодолимым.

Оно требовало лишь одного — крови кукловода.

— Брат! — Сяобай встревоженно посмотрел на дверь. — Кто-то идёт!

Ло Цяоцяо неторопливо поднимался на третий этаж.

Любой случайный прохожий счёл бы эту усадьбу проклятым местом, содрогаясь от ощущения, будто из темноты за ним наблюдают сотни немигающих глаз.

Однако самого хозяина лавки этот взгляд лишь успокаивал. Он знал: его творения смотрят на него с благоговением, приветствуя своего создателя.

Мастерская Цицяо существовала уже более девяти веков. Прежний её владелец пал от руки странствующего даоса из-за собственной неосторожности и излишней заносчивости.

Ло Цяоцяо, заняв его место, учёл ошибки предшественника. Он вёл себя тише воды, ниже травы, выказывая угодливое почтение каждому. Даже с простым охотником Лао Сы он держался так, словно перед ним находился благородный господин.

Никто во всей округе не видел его разгневанным. Ло Цяоцяо славился кротким нравом, хотя за глаза его частенько называли трусом и размазнёй.

Сейчас, когда он шёл по коридорам усадьбы, тысячи мелких пауков разбежались перед ним, заполняя каждую щель старого дома.

Ло Цяоцяо никогда никуда не спешил. Каждое его действие было размеренным, почти ленивым.

Освещая себе путь тусклым бумажным фонарём, он поднимался по ветхой деревянной лестнице. Старые ступени жалобно скрипели под его весом.

Но скрип этот был странным — слишком частым и громким, будто по ступеням одновременно поднималось несколько человек.

Если приглядеться, в его коренастой фигуре угадывалось нечто противоестественное. С каждым шагом полы его длинного халата приподнимались, являя миру копошащиеся под ними восемь волосатых суставчатых конечностей.

Будучи паучьим демоном, он находил человеческое обличье крайне неудобным. Лишь избавившись от притворства, он чувствовал себя по-настоящему свободно.

Ло Цяоцяо давно подчинил себе плоть маленького лиса с помощью скрытых нитей, но до последнего момента не желал прибегать к этой мере без крайней необходимости.

Ткани марионетки были слишком хрупкими. Грубое воздействие могло повредить нежную кожу, и тогда кукловоду пришлось бы часами латать и полировать своё творение.

Ему претила мысль волочить беглеца силой — он искренне желал, чтобы лисёнок сам вернулся в его объятия.

Ласково, словно подзывая домашнего щенка, Ло Цяоцяо позвал:

— Мой лисёнок... Где же ты, мой милый лисёнок?

Голос его звучал напевно и хрипло, фальшивое дружелюбие сквозило в каждой интонации.

Ступив на верхнюю площадку, он не стал уподобляться тупому Лао Сы и проверять каждую комнату. Глаза кукловода были повсюду — верные слуги уже нашептали ему, где скрывается добыча.

И всё же он продолжал медленно идти по коридору, покачивая фонарём.

— Помнишь, как ты умолял меня? «Пожалуйста,пусти меня,пощади!» — Ло Цяоцяо пискляво передразнил тонкий голосок испуганного зверя. — У тебя был такой чудный лик и такой сладкий голосок... Я бы слушал эти мольбы вечно. Жаль, что ты так быстро умолк.

Ло Цяоцяо притворно вздохнул, сокрушаясь о невосполнимой потере.

— Знаешь, проводя с тобой дни и ночи, я часто думал: а стоит ли отдавать такое сокровище

Владыке Небесной Обители? Что, если оставить тебя себе? Если бы ты принадлежал только мне...

Кукловод предавался этим грёзам не раз. За свою долгую, почти тысячулетнюю жизнь он не встречал никого прекраснее этого создания.

Он вложил всё своё мастерство, чтобы довести облик лиса до абсолютного идеала. В нём не было изъянов — безупречным должен был оставаться каждый волосок.

Воплощение чистейшего совершенства.

Ранее его ещё терзали сомнения, но весть о том, что марионетка уцелела после ритуала, окончательно укрепила его в тайных желаниях.

Именно поэтому он без колебаний отпустил Лао Сы наверх одного. Он прекрасно знал, что ожившие мертвецы в его покоях быстро расправятся с незванным гостем.

Преподнесение дара Владыке Небесной Обители было их общим с охотником секретом. За столь редкую игрушку высокий покровитель обещал исполнить любое их желание.

Жадный Лао Сы мечтал о богатстве и высоком чине. Но чего желал сам Ло Цяоцяо?

Ему хотелось иметь супругу, которую Владыка Небесной Обители сотворил бы специально для него.

Но за те три года, что он трудился над телом лиса, мастер привязался к своему творению. Любуясь плодами своих трудов изо дня в день, он незаметно для себя воспылал к нему извращённой страстью.

Ло Цяоцяо полагал, что у него в запасе есть ещё время, и появление Лао Сы спутало все карты.

Теперь же, когда соучастника не стало, тайна была надёжно похоронена. Никто не помешает ему оставить прекрасного лиса себе в качестве послушной игрушки для услады плоти.

Он ведь неспроста облачил марионетку в праздничные свадебные одежды.

Владыке Небесной Обители предназначалась обычная забава, а алый наряд невесты был проявлением его личной, потаённой прихоти.

От этих мыслей лицо Ло Цяоцяо расплылось в приторной, сладострастной улыбке.

— Лао Сы мёртв. Больше никто не знает о твоём существовании. Тебе не придётся ублажать Владыку Небесной Обители... Останься со мной. Будь моим, хорошо?

Он остановился перед дверью чулана. Доносившийся изнутри тяжёлый запах свежей крови подтверждал — его беглый лисёнок прячется именно там.

Кукловод замер у самого порога, едва ли не касаясь носом деревянной створки, словно робкий жених, заглядывающий в покои новобрачной.

Сердце его забило чаще от предвкушения, ладони покрылись испариной.

Натянув на лицо самое кроткое и приветливое выражение, на какое был способен, он нежно прошептал:

— Раздели со мной вечность...

Забираю жизнь.

<http://bllate.org/book/18298/1755117>